

О ПОНЯТИИ «ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА» (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «ГРЕХ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Сайгин В.В.

ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Министерства образования России, Нижний Новгород, Россия (603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23), e-mail: secretar@ahch.unn.ru

В работе анализируется явление «десакрализации концепта», которое трактуется как стилистическое снижение слов, изначально выражающих высокие духовные и религиозно-нравственные понятия. Это отражает общую тенденцию к понижению ценностного регистра высоких понятий при переходе их из религиозной коммуникативной среды в коммуникативную среду светскую. Явление десакрализации рассматривается на примере функционирования концепта *грех* в современном русском языковом сознании. Материалом для анализа выступают основные русские словари и данные Национального корпуса русского языка. Доказано, что десакрализация концепта *грех* на уровне лексического значения слова обнаруживается в понимании греха как прощительной человеческой слабости, а на уровне коннотативной сферы она проявляется в приобретении этим словом контекстуальной положительной оценочности, что в свою очередь обуславливает оттенок несерьезного, шуточного отношения к греху, отражающего современные реалии бездуховного общества потребления.

Ключевые слова: концепт «грех», десакрализация, концептуальное содержание, языковая экспликация, коннотативная сфера.

ON TERM "DESACRALIZATION OF CONCEPT" (ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPT "GREKH" ("SIN") IN THE MODERN RUSSIAN)

Saygin V.V.

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod, Russia (23 Prospekt Gagarina, 603950, Nizhni Novgorod, Russia), e-mail: secretar@ahch.unn.ru

In the work the phenomenon of "desacralization of concept" which is interpreted as stylistic decrease of words expressed primordially high spiritual, religious and moral values is examined. This reflects one general tendency to decrease of value level of high terms while their transition from religious communicative medium into secular one. The phenomenon of "desacralization is analyzed on the example of functioning of the concept "grekh" ("sin") in modern Russian national language consciousness. Main Russian vocabularies and the data of Russian National Corpus are sources of the material of the analysis. It is proved, that desacralization of concept "grekh" ("sin") is expressed in understanding of a sin as excusable human weakness within lexical meaning of the word, and in acquisition of contextual positive evaluation by the word within its connotative sphere. It determines, in turn, shade of futile, jocular attitude to sin, which reflects modern realia of our spiritually deprived consumer society.

Keywords: the concept "grekh" ("sin"), desacralization, conceptual content десакрализация, концептуальное содержание, language explication, connotative sphere.

Введение

Характерной особенностью современного состояния языка является стилистическое снижение слов, изначально выражающих высокие духовные и религиозно-нравственные понятия. Так, например, известно, что вполне серьезные, положительно отмеченные в церковной речи слова и выражения часто получают в современной русской речевой практике пейоративную (отрицательную), ироничную, шуточную окраску: *подвизаться*, *злачное место*, *благоверный*, *елейный голосок*, *избиение младенцев* и т.п. Это отражает общую

тенденцию к понижению ценностного регистра высоких понятий при переходе их из религиозной коммуникативной среды в коммуникативную среду светскую.

Подобные явления мы условно именуем «десакрализация концепта», которая исследуется в настоящей работе на примере функционирования концепта *grēx* в современном русском языке.

Цель исследования

Целью исследования является анализ особенностей процесса десакрализации концепта *grēx*, т.е. тенденции к его шутливому, обытовленному, сниженному истолкованию в современной русской речи.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования выступают данные современных философских и религиозных словарей и энциклопедий, толковых и этимологических словарей, словарей синонимов и антонимов, словообразовательных и фразеологических словарей русского языка и языковые данные Национального корпуса русского языка.

В качестве основного метода исследования в работе применяется методика концептуального анализа, разработанная на кафедре преподавания русского языка в других языковых средах филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского [4; 5].

Результаты исследования

Лингвистический смысл понятия «десакрализация концепта», являющегося непосредственным предметом исследования в данной работе, заключается в том, что в лексическом значении или коннотативной сфере слова на первый план выходят внерелигиозные компоненты смысла слова, которые либо изначально присутствовали в семантике и коннотациях, но не играли основополагающей роли, либо возникают в результате семантических преобразований в новую эпоху его употребления.

Научное понятие «десакрализация» в интересующем нас смысле применительно к концепту *grēx* было употреблено в работе Л.Г. Пановой «Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато»»). Со ссылкой на работу П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины», автор указывает, что слово «грех» приравнивают к слову «огрех», так что «грешить» значит «ошибаться», «не попадать в цель», наконец, «дать мимо», «дать маху», «пропустить». Причем отмечается, что десакрализация греха, к примеру, в итальянском языке зашла гораздо дальше, чем в русском, ср. *aver fatto pochi peccati* [досл. *иметь совершенными мало грехов* в значении «вещь мало использовалась»], *avere poco peccato* [досл. *иметь мало греха* в значении «иметь мало опыта»] [2, с. 177].

Понятие греха входит в число тех ключевых идей русской культуры, которые издавна определяют вектор ее духовной эволюции. Сформировавшись в русле религиозно-христианского, православного мировоззрения, это понятие во многом обуславливает специфику отношения русских людей к миру, их системы ценностей и жизненных установок. Несомненно, на первый план в содержании этого понятия выходит религиозный компонент «сознательное или бессознательное совершение действия, нарушающего Божественные установления». Однако при этом следует отметить, что на уровне обыденного употребления языка непосредственно религиозный смысл этого понятия зачастую уступал место совсем иным семантическим компонентам, отражающим уже особенности быта и нравов народа, его ценностей и предпочтений, лишенных христианской окраски.

Отмеченное несовпадение двух во многом противоположных интерпретаций, которое ведет к неполному и неточному пониманию светскими носителями языка этого понятия, составляет, на наш взгляд, главную особенность концептуального содержания *греха* в современном мире. В целом сегодня можно говорить о сосуществовании в национальном сознании двух пластов понимания «греха» — религиозного и внерелигиозного [6, с. 421-426].

Своего максимума десакрализация греха достигает в русском языке в советскую эпоху. Так, в БАС, создававшемся в период с 1950 по 1965 г., собственно религиозное значение слова «грех» - «нарушение религиозного предписания; проступок против правил религии и нравственности» - подается лишь как третье значение и с пометой «устаревшее» [8]. В МАС на период 80-х гг. XX в. это значение хотя и указано первым, но имеет характерную помету «У верующих» [7].

Ряд контекстов все же сохраняют первоначальное религиозное понимание греха. Однако в большинстве случаев можно говорить именно о десакрализации греха, которая, в частности, находит свое выражение в расширительном понимании греха как любого нарушения какой-либо нормы, сознательного или бессознательного, как ошибочных или неправильных действий в любой сфере — социальной, политической, идеологической, этической, эстетической, культурной, при этом не обязательно в плане отношений человека и Бога, возможность квалифицировать как грех действия обобщенных или коллективных субъектов, не предполагающих наказания, покаяния или вообще какой-либо ответственности за его совершение, и пр.

Все это и многое другое реально отражено в фактах языка. Язык выступает одним из ярких, точных и глубинных манифестаций коллективной психологии этноса. Именно поэтому он может и должен служить тестом для диагностики истинного отношения народа к

тому или иному явлению жизни. Все это в полной мере относится и к языковой концептуализации понятия «грех» в национальном сознании.

В описание концептуального содержания того или иного концепта необходимо включать данные, извлеченные из анализа его **внутренней формы (этимологии)**. Так, внерелигиозный, бытовой, «приземленный» семантический компонент во внутренней форме «грех» унаследован из общего праславянского и праиндоевропейского языка-источника. В «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера слово связывается с *греть* с первоначальным значением «жжение (совести)». Еще один ряд этимологических сближений связывает слово «грех» с литовским *graijas* «косой», включая элементы *groikso- или *groiso- «изгиб, кривизна». Возможно, сходными по происхождению являются такие слова как *гроза, грёза* [9].

П.Я. Черных в своем «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» возводит *грѣхъ* к праславянскому *groi-s-us - «заблуждение, путаница, ошибка»; ср. *съгрѣза* «ошибка», ср. *грёза, грозы* ← лит. *graižytu* «вертеть, крутить, сверлить»; *graižus* «скрученный, изогнутый, искривленный» [10].

Таким образом, мы можем выделить идею искривления, сгибания, т.е. нарушения первоначального состояния чего-л., которая перешла по метафорическому переносу в идею заблуждения, ошибки, путаницы, т.е. тоже в своем роде искривления — сворачивания с прямого пути. Отметим, что указанное нарушение чего-л. не обязательно связано с сознательными действиями субъекта — это в общем любое нарушение, отклонение от прямого пути по любым причинам или основаниям, и даже без причин.

Дальнейший анализ показал развитие именно внерелигиозных компонентов содержания концепта «грех» в языковой экспликации этого концепта. Так, показательными являются случаи, когда сочетаемость слова «грех» приводит к его семантическим преобразованиям по типу контекстуальной метафоризации и метонимизации.

С точки зрения принадлежности к лексико-грамматическому разряду в системе языка слово «грех» относится к категории абстрактных существительных — в значении «состояние», хотя и с возможностью конкретизации в значении «(конкретный) поступок».

Однако в когнитивной лингвистике (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Р. Джекендофф и др.) уже давно отмечалось, что абстрактные понятия в наивной картине мира, которую репрезентирует система естественного языка, всегда подлежат конкретно-чувственному переосмыслению. Этот процесс получил название *реификация* (овеществление абстракции). Другая сторона этого явления — *одушевление* (рассмотрение неодушевленной сущности как одушевленного объекта). Базой такого овеществления или одушевления выступает концептуальная метафора [1]. Языковая экспликация концепта «грех» в ряде контекстов

демонстрирует примеры метафорической реификации. Так, нами обнаружены случаи перехода абстрактного существительного «грех» в лексико-грамматический разряд конкретных существительных:

1) по модели «абстрактное понятие → конкретный предмет, вещь», в сочетании с глаголами конкретного физического действия: *закапывать старые грехи; грех на совести лежит; греха не видеть*; ср. также в сочетании *грех пополам*; в этом случае «грех» осмысливается как вещь, продукт, вообще как чувственно воспринимаемый предмет, с которым можно производить разнообразные конкретные действия;

2) по модели «абстрактное понятие → среда или вместилище»: *впасть* [т.е. погрузиться] *в грех; жить в грехе; погрязнуть в грехе*; «грех» здесь представлен в виде среды, в которую погружается субъект действия;

3) по модели «абстрактное понятие → вещество, субстанция»: *вкусить греха (грех)*.

Сама возможность овеществления или одушевления абстрактного существительного является обычной для «наивной картины мира» (Ю.Д. Апресян), и подобные контексты свидетельствуют об определенной «приземленности» в трактовке греха в обыденном сознании носителей языка, об актуализации и обогащении внерелигиозного компонента его концептуального содержания.

Также показательны в аспекте интересующей нас проблемы десакрализации и дериваты слова «грех». Так, только внерелигиозный компонент смысла «вина, ошибка» реализуется в предикативной, краткой форме прилагательного *грешен* – (разг.) «виноват, повинен» — *Друг Дельвиг, мой парнасский брат, Твоей я прозой был утешен, Но признаюсь, барон, я грешен: Стихам я больше был бы рад* (Пушкин, Дельвигу) [7]. То же можно сказать о категории состояния *грешно* в сочетании с инфинитивом в роли сказуемого в безличном односоставном предложении, которая реализует значение: (разг.) «предосудительно, стыдно, нехорошо»: *Грешно вам так говорить!* Отметим, что оба слова имеют ограничения в употреблении — присущи только разговорной речи, что еще раз подтверждает нашу мысль о преимущественно светском понимании греха в народном мироощущении.

Десакрализованное, светское понимание греха как человеческой слабости, а также шутовское, т.е. несерьезное отношение к нему проявляет себя также в деривате с уменьшительно-ласкательным суффиксом *грешок*: *мелкие грешки, простительные грешки*.

Расширение объема концептуального содержания «грех» проявляет такой дериват, как *погрешность*. Это слово реализует представление о грехе как о некоей неправильности в общем смысле слова — «ошибка, неправильность, неточность, допущенная кем-л. в чем-л.»: *погрешность в вычислении; стилистические погрешности*, — и потому распространяет это понимание на неодушевленные предметы, вещи — «недостаток, изъян в работе какого-л.

механизма, устройства и т.д.» [8]: *погрешности в моторе трактора*. Иными словами, «грешить» могут даже неодушевленные объекты, что приводит к максимуму десакрализованности в понимании этого концепта в обыденном сознании.

Итак, десакрализованное представление о грехе обнаруживается в понимании греха как простительной человеческой слабости (*грешок*), что в свою очередь обуславливает оттенок несерьезного, шутливого отношения к греху, отраженный в разнообразных словарных пометах.

Анализ современных употреблений слова *грех* по данным Национального корпуса русского языка обнаруживает дальнейшие тенденции к десакрализации этого концепта. Это выражается в двух следующих явлениях.

1. Расширение сочетаемости слова *грех* за счет осмысления в терминах «греха» таких областей действительности, где раньше это понятие было неприменимо: финансовая, политическая, спортивная и другие сферы. Так, в современных употреблениях возможны — **финансовые грехи:** *Должникам приходится расплачиваться за чужие финансовые грехи;* **экономические грехи:** *«Первородный грех» белорусской экономики;* **политические грехи:** *Политические «грехи» большевизма, как источник сталинизма;* **грехи органов власти и чиновников:** *По словам источников в правительстве города, именно председатель Москомархитектуры должен принять на себя все грехи старой власти и просчеты градостроительной политики;* **национальные грехи:** *Есть национальные грехи, ... их очень много, между прочим;* **спортивные грехи:** *Правда ли, что нет в Казани греха тяжелее, чем проиграть соседям из Башкирии?;* **научные грехи:** *Исследование стволовых клеток грех или грех науки?;* **педагогические грехи:** *Лучше скажи мне что-нибудь приятное, я на смертном одре, отпусти мне педагогические грехи...;* **грехи искусства:** *Впоследствии выступать с органом стало необходимым для меня, а исполнение старинной музыки я считаю «очищением от вокальных грехов».*

2. Другим важным направлением в эволюции концептуального содержания греха является переосмысление традиционной для этого концепта негативной оценочности. Подобные явления в работе Т.Б. Радбиля трактуются как «аксиологические аномалии», или «аномалии системы ценностей в "языке ценностей"» [3, с. 239-259].

Выведение некоторых видов греха из сферы действия традиционной негативно-оценочной коннотированности проявляется в синтаксической конструкции, где слово «грех» выступает в позиции предиката под действием модального оператора отрицания: «S — не грех». Этот контекст позволяет диагностировать, что не является грехом для современного носителя языка. Так, в число «не-грехов» ожидаемо попадают 1) пьянство: *Усаживаясь в машину, молодой немец Халилович бросает приятелям: — Ну что, после второго места и*

по пивку не грех?; 2) эротика: Для католиков эротика — это **не грех**. В костеле супругов венчают именно для того, чтобы они этой самой эротикой занимались; 3) прелюбодеяние: Но если ты влюблен, то прелюбодеяние — **не грех**; 4) блуд: Встретаться с девушкой до свадьбы — это **не грех** — и т.д. Есть даже примеры, когда в число «не-грехов» попадают крайне тяжелые грехи, что считается говорящим допустимым при некоторых обстоятельствах — например, убийство: Из тех, по чьим понятиям устранение любого, кто мешает зарабатывать миллионы, — это **не грех**, а всего лишь пунктик в бизнес-плане предприятия.

Приобретение концептом *грех* положительной оценочности проявляется в атрибутивной сочетаемости слова «грех» с качественными прилагательными с общеоценочной или частнооценочной семантикой — *хороший, красивый, приятный, очаровательный, замечательный, любимый* и пр. См., например: Красивый грех к себе манил...; «Очаровательный маленький смертный грех». Эти контексты позволяют диагностировать некоторые виды греха, которые потенциально или реально могут положительно оцениваться носителем языка: 1) тщеславие: *Тщеславие — мой любимый грех!*; 2) чревоугодие: Приятный грех чревоугодия; 3) прелюбодеяние: *Видео для мобильного телефона. Приятный грех прелюбодеяния* — и др.

Заключение

Таким образом, в современной действительности очевидна дальнейшая десакрализация концепта *грех*. На базе сложившегося в светской культуре понимания греха как маленькой человеческой слабости развивается положительная оценочность для некоторых видов греха. Речь идет о том, что грех может рассматриваться как нечто приятное, нечто хорошее в определенных условиях, когда снимается его исконная трактовка в качестве разрушительного начала, несущего деструктивные тенденции.

Приметой времени, отражающей современные реалии бездуховного общества потребления, выступают представления о том, что грех — это нормальное, а значит, прощительное свойство всех людей, что это норма жизни. Это связано с упрощенным пониманием греха в контексте установки на гедонистический образ жизни, которая характерна для определенной части современного российского общества.

Список литературы

1. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М. : Едиториал, 2004. — 256 с.

2. Панова Л.Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «рессато») // Логический анализ языка: языки этики / отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. — М. : Языки русской культуры, 2000. — С. 167–177.
3. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте : дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Московский педагогический государственный университет. — М., 2006. — 496 с.
4. Ручина Л.И. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления когнитивных признаков концепта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2012. — № 5-3. — С. 102-106.
5. Ручина Л.И., Горшкова Т.М. Изучение концептов в русской народной сказке (лингвистический аспект) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. — 2003. — № 1. — С. 124-130.
6. Сайгин В.В. Смысловое наполнение и семантическая структура концепта «грех» в современном русском языке (по данным толковых и этимологических словарей) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 3-1. — С. 421-426.
7. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — М. : Русский язык, 1985. — Т. 1.
8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950—1965. — Т. 8.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. / пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О.Н. Трубачева / под ред. и с пред. проф. Б.А. Ларина. — Изд. 2-е, стереотип. — М. : Прогресс, 1986. — Т. 1.
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. — М. : Русский язык — Медиа, 2006. — Т. 1.

Рецензенты:

Радбиль Т.Б., д.фил.н., профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания, ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Министерства образования России, г. Нижний Новгород.

Рацибурская Л.В., д.фил.н., профессор, заведующий кафедры современного русского языка и общего языкознания, ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Министерства образования России, г. Нижний Новгород.